

Ф. А. Бощева

ВОПРОСЫ СРАВНИТЕЛЬНОГО ИЗУЧЕНИЯ НАЦИОНАЛЬНЫХ ЛИТЕРАТУР

*Работа представлена кафедрой русской литературы
Северо-Осетинского государственного университета им. К. Л. Хетагурова.
Научный руководитель – доктор филологических наук, профессор Н. Д. Цховребов*

В статье дается обзор различных точек зрения относительно актуальных проблем сравнительного литературоведения. Автор полемизирует с зарубежными исследователями, которые выступают за «денационализацию» литератур, а также касается также проблемы передачи особенностей национального эстетического идеала и авторского.

The article views the opinions concerning relevant problems of comparative study of literature. The author carries on polemics with foreign scientists who stand for the theory of literature «denationalization». The problem of transfiguring peculiarities of national and author's aesthetic ideal is also investigated.

Основные принципы сравнительного литературоведения в России сформировались во второй половине XIX столетия¹. Однако центральное место в этих исследованиях занимали контактные формы связи – «странствующие сюжеты», их миграция и т. п. В начале XX в. в России, также как и в Европе, наряду с контактными интенсивно стали изучаться и типологические связи, обусловленные сходными процессами исторического развития. В 1970-е и последующие годы вопросы сравнительного литературоведения достигают своего апогея: появляются фундаментальные труды В. М. Жирмунского, Н. И. Конрада, И. Г. Неупокоевой, М. Б. Храпченко, Н. И. Кравцова и др.²

Литературы «малых» народов и стран нередко приводят к выводам более общего смысла и значения, позволяющим увидеть тенденции, закономерности, характерные не только для этих стран. Именно с этих позиций выступает И. Г. Неупокоева, которая справедливо замечает: «...Остававшееся в течение долгого времени неизвестным за пределами своего языка творчество Донелайтиса, Соломса, Бараташвили, Дюрана, Райниса, связанных с мировым литературным процессом многими контактными и типологическими связями, не в меньшей степени, чем творчество поэтов более широкой мировой славы, подтверждает непререкаемую силу объективных закономерностей мирового литературного процесса, действующих на всем пространстве истории»³.

Много общего просматривается и в литературах Северного Кавказа: осетинской, кабардинской, балкарской, карачаевской, черкесской и др. У этих литератур не только общее художественное наследие («Нартовский эпос»), но и схожие исторические

судьбы. Решающую роль для формирования литератур Северного Кавказа, Закавказья сыграл опыт русской литературы.

Тициан Табидзе, известный грузинский поэт, писал А. Белому: «...Вы помните, как И. Анненский в своих “Книгах отражения” писал, что его поколение “прошло сквозь Гоголя и Достоевского”; мучительно приятно, что и дальше мы проходим сквозь А. Блока и А. Белого и еще больше гордимся, что мы непосредственно в личном общении с Вами проходим этот путь. Как будто после Вас мы во второй раз родились для поэзии. А до этого пребывали в восточной лени и омархаямизме, если в этом и есть поэзия, все же она не одухотворена страданием мысли, чему и мы и весь мир обязаны русской поэзии»⁴.

Актуальность задач, стоящих перед сравнительным литературоведением, не вызывает сомнений у большинства ученых: «...Наука не может обойтись без генерализации, без выявления общего в писателях, без раскрытия тех связей, которые объединяют их в то, что называется литературой данного времени, общим историко-литературным процессом. Только на основе известной общности писателей и можно установить различия между ними, выявить неповторимые черты каждого в отдельности»⁵.

По наряду с такими задачами, возлагаемыми на сравнительное литературоведение, нельзя умолчать и о том, что некоторым ученым вопросы типологического изучения литератур представляются малоэффективными, а то и вовсе бесперспективными. Так, французский ученый Ж. Карре призывает к осторожности в обращении с такими понятиями, как гуманизм, классицизм, романтизм, реализм, символизм, когда ими хотят обозначить общность лите-

ратур нескольких народов, полагая, что «соединение нескольких литератур под таким общим обозначением может оказаться излишней систематизацией, вылиться в абстракцию, превратиться в голую номенклатуру»⁶.

По мнению Е. Куприяновой, типологические связи едва ли оправданы, так как не способны «установить закономерности исторического развития»⁷.

Еще более категоричен В. Реизов, отрицающий плодотворность типологического изучения литератур, отдающий предпочтение конкретно-историческому изучению⁸. В свою очередь, сам аспект типологического исследования не един – ведущее место здесь отдельные исследователи отводят типологии мировоззрений, характерам и обстоятельствам, литературным направлениям, жанрам и т. д. При решении типологических задач М. Б. Храпченко выдвигает идею структурального изучения литературы, указывая при этом на конструктивное, широкое понимание структурализма. «Для того чтобы в основу типологических сопоставлений легли специфические литературные – в то же время не локальные признаки, необходимо обратиться к чертам и особенностям структурного характера. Положение это может показаться спорным уже по той причине, что как раз в области сравнительного и типологического изучения литературы применение методов современного структурализма не дало ощутимых результатов».

Недостаточную эффективность подобного рода изысканий ученый усматривает в том, что «структурализм и близкие к нему неформалистические течения в литературоведении отрицают закономерную связь с общественной жизнью, действительностью. Поэтому структуру литературных произведений они рассматривают саму по себе, как явление независимое от каких-либо сторонних “сил”»⁹.

Учитывая разные точки зрения на исследования сравнительно-типологического характера, становится очевидным, что

только целостное изучение и анализ литературных явлений с учетом всех форм связей способны обеспечить решение настоящей проблемы. Конечно же, каждый из названных типов исследования имеет свои особые трудности и задачи, но имеются и принципиально важные общие проблемы, которые неизбежно встают перед любым литературоведческим трудом синтезирующего типа, так как «плацдарм одной национальной литературы для них узок. Понятно, что эти проблемы привлекают к себе наибольший интерес – именно здесь сосредотачивается поиск оптимальных решений синтеза. В то же время они становятся предметом наиболее острых методологических дискуссий, захватывающих не только область литературы, но и более широкие сферы общественных наук, и социальные мысли. Разными путями эти проблемы сходятся к одной, центральной – связь литературы с историческим движением общества»¹⁰.

С позиций единого подхода к изучению литературных связей выступают В. И. Кулешов¹¹ и словацкий ученый Д. Дюришин, который говорит о том, что не следует ограничиваться только контактными формами связи. «Национальные литературы в этом случае, – отмечает Дюришин, – теряют свое историческое своеобразие и становятся предметами изучения лишь постольку, поскольку они осуществляют непосредственную связь (в форме влияния или восприятия) с соответствующими явлениями других национальных литератур. Такое одностороннее понимание всемирной литературы связано с игнорированием типологической обусловленности литературных отношений»¹².

Сравнительное литературоведение отражает картину исторического развития литератур на разных континентах. Отмечая всю сложность, противоречивость мирового литературного процесса, Н. И. Конрад призывает «следить за ним и его изучать», видит в нем «важную задачу современного литературоведения... Дело идет о важнейшем явлении: о структуре литературы в

каждой отдельной стране и структуре мировой литературы»¹³.

Опираясь на опыт развития различных литератур, российские ученые придерживаются принципа конкретно-исторического подхода к каждой из них, что и позволяет «установить общие закономерности литературного развития в его общественной обусловленности и в то же время национальную специфику литератур, являющихся предметом сравнения»¹⁴.

Необходимо учитывать, что при сравнительном изучении литературных явлений используется не особый метод – сравнение относится к области методики, а не методологии, и поэтому не следует вообще, во избежание недоразумений, говорить о «сравнительном методе» или «сравнительном литературоведении» как особой науке со своим методом¹⁵.

Подвергая критике работу Р. Веллека «Кризис сравнительного литературоведения», а также его последователей – голландца Г. П. Тезинга, западногерманских компаратористов Курта Вайса, Г. Рейнфельдера и других, Н. С. Павлова отмечает общую и наиболее уязвимую сторону западной компаратористики, которая ограничивается отдельными сопоставлениями и где упускается вопрос о «самой причине восприятия того или иного влияния; о влиянии как одном из факторов, рассмотрение которого важно во всем контексте истории данной литературы»¹⁶.

В области сравнительного литературоведения между российскими учеными и компаратористами Запада наметился ряд принципиальных и существенных расхождений¹⁷. К одному из таких вопросов относится идея «денационализации» литературы, настойчиво отстаиваемая на Западе – национальное, дескать, фактор несущественный, второстепенный. Выход из кризиса современной компаратористики Р. Веллек видит во «всеобщем аспекте» рассмотрения явлений, не связанных с какими-либо проблемами идеологии. Призываю к преодолению «узкобого национализма»,

Веллек выдвигает космополитическое, по сути, требование рассматривать литературу как выражение неких «универсальных» интересов человечества вообще¹⁸.

Концепцию «наднациональной» литературы, стремление «освободить» процесс развития всемирной литературы от присущей ему внутренней диалектики национального развития, в чем отчетливо проявился ее антисторицизм, вместе с Веллеком разделяют А. Уоррен, А. Герар, К. Вайс, Дж. Ременни и др.¹⁹ Однако эти домыслы буржуазной компаратористики опровергаются всем ходом развития многонациональных литератур, встречают решительную отповедь – известно ведь, что «интернациональная культура не безнациональна» и что национальное содержит в себе элементы интернационализма.

Иноязычное произведение, перенесенное на другую национальную почву, нередко приходит в противоречие с первоначальной творческой моделью, от которой отталкивался, из которой исходил художник. «Одно и то же явление, – пишет Ю. Н. Тынянов, – может генетически восходить к известному иностранному образцу и в то же самое время быть развитием определенной традиции национальной литературы, чуждой и даже враждебной этому образцу»²⁰. Подобную же мысль развивает М. П. Алексеев, призывая «добиваться точности и правдоподобности результатов в разысканиях этого рода»²¹.

Когда речь заходит о различных генетических истоках, контактах, следует помнить, что приобщение к инонациональной поэтической культуре не стирает индивидуальных черт творца, напротив, творческое своеобразие проявляется ярче, приобретает большую рельефность. «Талант, – писал А. Пушкин, – неволен, и его подражания не есть постыдное похищение – признак умственной скучости, но благородная надежда открыть новые миры, стремясь по следам гения, – или чувство в смирении своем еще более возвышенное, желание изу-

чить свой образец и дать ему вторичную жизнь»²². Именно с такой позиции следует подходить к факту обращения к инонациональной культуре, литературе.

Существенно за последнее время расширилась функция художественного перевода – он включен в «систему теории литературной компаративистики». «...Мы не хотим сказать, – замечает в этой связи Д. Дюришин, – что перевод эвфемистически обходится в компаративной практике. Напротив, любая сколько-нибудь основательная систематическая работа сравнительного характера включает в себя и рассмотрение перевода, хотя нередко довольно упрощенное и прямолинейное. Подобные упрощения по большей части вызываются как отсутствием единства взглядов на вопросы конкретной методики разбора, так и в не меньшей степени дискуссионностью, разноплановостью включения перевода в систему теорем литературной компаративистики, определение его места в иерархии межлитературных связей»²³.

Проблема воссоздания национальных черт произведения, сама установка переводчика, стремящегося к такому перевыражению и часто не способного вырваться за пределы «своей национальной стихии» (В. Белинский), требует научного освещения. Момент «вненаходимости» переводчика к тому, что он хочет творчески понять, осмыслить, безусловно, существенный и важный фактор²⁴.

Художественный образ – явление, как известно, не односоставное, однородное. Образ в поэзии «никогда не бывает только зрительным, но представляет некоторое смешанное жизнеподобие, в состав которого входят свидетельства всех наших чувств и все стороны нашего сознания»²⁵.

Переводчик, являясь носителем определенного языка, национальной культуры в самом широком значении этого слова, несет на себе груз устоявшихся и привычных впечатлений, наблюдений, от которого ему невозможно отказаться и полностью перевоплотиться, раствориться в другой наци-

ональной культуре «Заимствуя уже готовую, освященную форму, художник-творец нисколько этим не стеснен в проявлении своей индивидуальности. Скажем больше: индивидуальность ярче выделяется и приобретает большую рельефность, когда ей приходится творить в условиях и резко очерченных границах»²⁶. В том, чтобы отказаться от своей индивидуальности, нет надобности. «Творческое понимание не отказывается от себя, от своего места во времени, от своей культуры и ничего не забывает»²⁷. Но наряду с этим совершенно очевидно и другое – переводчику необходимо постичь инонациональную культуру, войти в ее образный мир, уяснить себе те отличительные признаки, которые присущи другому писателю, составляют его эстетический идеал. «...В структуре эстетического идеала отражены эстетические стороны действительности, представляющие собой определенное диалектическое соотношение “общего” и “особенного”, “родовых” и “индивидуальных” свойств в явлениях общественной жизни на данном этапе ее развития. Эту специфическую особенность эстетического идеала следует учитывать и при определении его национального своеобразия. Однако это лишь одна сторона рассматриваемого процесса. Помимо учета “меры рода” явлений самой объективной действительности, необходимо помнить и о мере самого субъекта, т. е. художника, создающего свой эстетический идеал. “Мера рода” художника, в которой немаловажное значение имеют и национальные черты психики, и национальное эстетическое сознание, во многом определяет эстетическую оценку действительности и структуру эстетического идеала»²⁸.

Усвоение и перевыражение произведений иноязычной литературы, ее национальных особенностей обогащает и переводчика, и читателя. Вспоминая свое увлечение поэзией Уолта Уитмена, К. Чуковский писал: «Главное ее достоинство для меня было в том, что она дала мне

как бы новое зрение, обогатила меня новым – широким и радостным – видением мира»²⁹. Переводчик, а вместе с ним и читатель обретают как бы дополнительный угол зрения. Наряду с индивидуальным, это «видение мира отражает национальное своеобразие, ведь очень важно, что видит писатель и как он видит» (разрядка моя. – Ф. Б.)³⁰. Своеобразие это во многом отработано, подготовлено самой поэтической традицией, языковой системой. «Языки различаются не только тем, как они строят предложения, – пишет американский ученый Уорф, – но и тем, как они делят окружающий мир на элементы, которые являются материалом для построения предложений... и этот лингвистически детерминированный мыслительный мир не только соотносится с нашими культурными идеалами и установками, но и вовлекает даже наши собственно подсознательные действия в сферу своего влияния и придает им некоторые типичные черты»³¹.

1990-е и начало 2000-х гг. не дали сколько-нибудь значительного продвижения в решении основных проблем сравнительно-литературоведения. По мнению ряда исследователей, современная компаративистика переживает кризис. Одни выступают против «европоцентристского» сравнительного литературоведения, в том числе и понимания отдельных литератур как выражения национальных идентификаций, и предлагают расширить границы исследования до общемировых масштабов (впрочем, этой проблемы касались в своих исследованиях В. М. Жирмунский, Н. И. Конрад,

И. Г. Неупокоева, В. И. Кулешов, Д. Дюришин др.), другие делят сравнительно-литературоведческие исследования на переводческие и культурологические и т. п.

В современную компаративистику предлагается ввести новый термин – «интертекст». Впервые его употребила Ю. Кристева, полагая, что «любой текст строится как мозаика цитаций, любой текст – это впитывание и трансформация какого-нибудь другого текста. Тем самым на место понятия *интерсубъективности* встает понятие *интертекстуальности*»³².

Против самого этого термина, его истолкования выступает И. Шайтанов, который считает, что с его видением компаративистика утратит целый ряд основополагающих требований. «В свете интертекстуальности совершенно необязательно догадку о существующей между текстами связи пытаться повысить до статуса гипотезы. Ни прямые, ни косвенные доказательства не требуются, поскольку речь идет о свободном парении текстов в культурном пространстве, где автора нет, поскольку он “умер”... отсюда проистекает произвольность в установлении даже не источников, а связей...»³³. Выступая также против крайностей современной компаративистики, которая ратует за глобализацию, отрицающую индивидуальность культуры, Шайтанов высказывает предположение о том, что «единство мировой культуры... не предполагает отказа от национальной, но скорее видится в свете старой латинской формулы “единство несходного”»³⁴.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Познер Х. М. Сравнительное литературоведение, 1886; Веселовский А. Н. Славянские сказания о Соломоне и Китоврасе и западные легенды о Морельфе и Мерлине, СПб., 1872 и др.

² Жирмунский В. М. Сравнительное литературоведение: Восток и Запад. Л.: Наука, 1979; Неупокоева И. Г. История всемирной литературы. Проблемы системного и сравнительного анализа. М., 1976; Храпченко М. Б. Творческая индивидуальность писателя и развитие литературы. М., 1977; Кравцов Н. И. Проблемы сравнительного изучения славянских литератур. М., 1973.

³ Неупокоева И. Г. Указ. соч. С. 17.

⁴ Табидзе Т. Статьи, очерки, переписка. Тбилиси, 1964. С. 239.

⁵ Бушмин А. С. Методологические вопросы литературоведческих исследований. Л., 1969. С. 49.

- ⁶ Цит. по Конрад Н. И. Запад и Восток. М., 1966. С. 315.
- ⁷ Куприянова Е. Историко-литературный процесс как научное понятие // Историко-литературный процесс. Проблемы и методы изучения. Л., 1974. С. 10–11.
- ⁸ Рейзов В. О литературных направлениях // Вопросы литературоведения». 1957. № 1.
- ⁹ Храпченко М. Б. Творческая индивидуальность писателя и развитие литературы. М., 1977. С. 279.
- ¹⁰ Неупокоева И. Г. Некоторые вопросы изучения взаимосвязей и взаимодействия национальных литератур // Взаимосвязи и взаимодействие национальных литератур. М., 1972. С. 11.
- ¹¹ Кулешов В. И. Литературные связи России и Западной Европы в XIX веке. М., 1977. С. 7.
- ¹² Дюришин Д. Методологические вопросы сравнительного изучения литератур в Словакии // Сравнительное изучение славянских литератур. М., 1973. С. 145.
- ¹³ Конрад Н. И. Запад и Восток. М., 1966. С. 309–310.
- ¹⁴ Жирмунский В. М. Сравнительное литературоведение. Восток и Запад. Л., 1979. С. 68.
- ¹⁵ Жирмунский В. М. Проблемы сравнительно-исторического изучения литератур // Взаимосвязи и взаимодействие национальных литератур. М., 1961. С. 53.
- ¹⁶ Павлова Н. С. О кризисе современной компаративистике // Взаимосвязи и взаимодействие национальных литератур. М., 1961. С. 295.
- ¹⁷ Современные буржуазные концепции истории всемирной литературы. М., 1967; Неупокоева И.Г. Идея «денационализации» литературы в компаративистике США // Современная литература США. М., 1962; Она же. История всемирной литературы. Проблемы сравнительного и системного анализа. М., 1976 и др.
- ¹⁸ Неупокоева И. Г. Некоторые вопросы изучения взаимосвязей и взаимодействия национальных литератур. С. 27.
- ¹⁹ Там же. С. 64, 72.
- ²⁰ Тынянов Ю. Н. Тютчев и Гейне // Поэтика. История литературы. Кино. М., 1977. С. 387–388.
- ²¹ Алексеев М. П. Чарлз Роберт Метфорин и русская литература // От романтизма к реализму. Л., 1978. С. 40–41.
- ²² Пушкин А. С. Собр. соч.: В 10 т. М., 1962. Т.VI. С. 150.
- ²³ Дюришин Д. Теория сравнительного изучения литературы. М., 1979. С. 126.
- ²⁴ Бахтин М. Смелее пользоваться возможностями //Новый мир. 1970. № 11.
- ²⁵ Пастернак Б. Несколько слов о новой грузинской поэзии //Вопросы литературы. 1966. № 1. С. 171.
- ²⁶ Стравинский И. Хроника моей жизни. Л., 1963. С. 194.
- ²⁷ Бахтин М. Указ. соч.
- ²⁸ Нигматулина Ю. Г. Национальное своеобразие эстетического идеала. Казань, 1970. С. 14.
- ²⁹ Чуковский К. Мой Уитмен. М., 1966. С. 7.
- ³⁰ О своеобразии национального видения мира см.: Гачев Г. Д. О русском и болгарском образах пространства и движения – грани национального образа мира // Поэтика и стилистика русской литературы. Л., 1971. С. 300.
- ³¹ Новое в лингвистике. М.; Л., 1960. С. 192.
- ³² Кристева Ю. Слово, диалог, роман // Избранные труды. Разрушение поэтики. М., 2004. С. 167.
- ³³ Шайтанов И. Триада современной компаративистики: глобализация – интертекст – диалог культур // Вопросы литературы. 2005. № 6. С. 133.
- ³⁴ Там же.